

Йоланта Йузвяк

Университет им. Казимира Вьеликого, Быдгощ (Польша)

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА В ДЕТСКИХ ЯЗЫКОВЫХ ИННОВАЦИЯХ

Дети воспринимают мир иначе, чем взрослые. В процессе развития языковых способностей они постепенно стараются овладеть языковой системой родного языка. Однако знания относительно существования и функционирования абстрактных словообразовательных, грамматических, а потом орфографических и синтаксических правил формируются со временем. На начальных этапах дети наблюдают за языковым поведением взрослых, пытаются найти отображение внеязыковой действительности в языковой системе, интуитивно пользуются языком. Малолетние носители языка воспринимают мир менее абстрактно, более конкретно, чем взрослые. Следовательно, в детской речи можно заметить отражение стремления к ощущению тесной связи языковых номинаций со свойствами называемых лиц, предметов, явлений, действий и т.д.

Предметом настоящего анализа являются детские языковые инновации, которые понимаются как особые языковые факты, зафиксированные в детской речи и отсутствующие в общем употреблении. К таким образованиям причисляются самостоятельно сконструированные ребенком языковые единицы, не совпадающие с уже существующими в общем употреблении (Цейтлин 2001; эл. рес.). Материалом послужили примеры единиц и их контекстуальные употребления, отобранные из *Словаря современного детского языка* В. К. Харченко.

В подвергающихся анализу детских номинациях наиболее ярко ощутима роль внутренней формы в процессе называния. А. А. Потебня, разрабатывая концепцию формы и содержания, считал внутреннюю форму слова языковым механизмом, активизирующимся всегда, «когда нужно представить, понять и закрепить в индивидуальном обозначении новое явление, т.е. выразить словом новое содержание» (Потебня 1976: 300). В контексте образования детьми языковых единиц для называния явлений, не известных им раньше или требующих специального обозначения в коммуникативных

целях, существенно также замечание о том, что внутренняя форма слова, произнесенного говорящим, дает направление мысли слушающего, дает способ развития значений, и что она является неким образом, указывающим на содержание, соответствующим представлению (ср.: Потенба 1990: 26–27).

Разрабатывая рассматриваемое понятие, Н. И. Мигирова старалась доказать, что «внутренняя форма/признак представления референта фокусирует в себе важнейшие системные связи языка, в особенности связи в его словообразовательном механизме» (Мигирова 1977: 6).

В современных научных изданиях энциклопедического характера внутренняя форма определяется как «семантическая и структурная соотношенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка; признак, положенный в основу номинации» (Ярцева 2002: 85). Проблема выбора признака является существенной. При назывании предметов обычно подчеркивается только одна сторона, одна черта представлений о предмете, однако следует отметить, что черта может быть присущей не только одному предмету и не всегда оказывается доминирующей (Rozwadowski 1960: 22).

В выявлении мотивирующих признаков может помочь ономастологический подход (ср.: Jóźwiak 2007), а результаты такого анализа значимы для теории языковой картины мира, так как в кругу интересов исследователей обоих направлений находится реконструкция способов своеобразного фиксирования в языке избранных фрагментов действительности (Ostaszewska, Sławkowa 1999).

Создаваемые детьми, часто искаженные по разным причинам, наименования, а также инновации, образованные на основе неузуальных словообразовательных основ или суффиксов, представляют собой особую перспективу восприятия мира, окружающего молодых носителей языка. Поэтому вполне оправданно говорить о детской языковой картине мира, понимаемой как «особый способ концептуализации действительности, специфическое отображение физических и психических реалий в языке детей», поскольку в языке детей «представлен особый уровень видения и осмысления мира, особая «точка зрения» на мир» (Тухарели 2001: 6).

Следует подчеркнуть, что детские языковые образования имеют более мимолетный, кратковременный характер, чем другие названия, традиционно являющиеся объектами исследований лингвистов. Детский язык относится к неузуальному пласту лексикона, находится на периферии, но в нем также отражается особая понятийная структура, закрепленная в данной языковой системе, т.е. в ее грамматических и лексических свойствах, о которой говорят поклонники теории языковой картины мира (ср., напр., Grzegorzczukowa 1999: 39).

Различия между детским и взрослым восприятием действительности наиболее ярко, по нашему мнению, проявляются в нетрадиционном выборе

внутренней формы слова как основы мотивации при обозначении новых (с точки зрения детского жизненного опыта) денотатов. Для иллюстрации особого способа номинации анализу будут подвергаться: 1) названия лиц, ассоциирующиеся с наименованиями действий; 2) названия действий, относящиеся к названиям исполнителей и характерных предметов, явлений; 3) сложные наименования лиц, признаков и действий.

Среди инноваций, мотивированных отличающимися от общепринятых основами, выделяется группа наименований лиц, ассоциирующихся в сознании детей с какими-нибудь характерными действиями, которые они способны назвать, ср. *схватчицк*¹ – ‘человек, хватающий кого-либо’ (Схватил бабушку: Я *схватчицк* тебя!); *кусун* – ‘о том, кто кусается’ (Наблюдает за майским жуком: Ой, *кусун*!); *думиха* – ‘задумавшаяся девочка’ (Таня, о чем ты думаешь? – О маме и папе. Эх ты, *думиха*, *думиха*!).

Следует отметить, что словарная экспликация значения единицы не всегда непосредственно указывает на мотивирующее слово, но ассоциации с внутренней формой в большинстве случаев ошутимы.

Приведенные и нижеследующие примеры наименований лиц с прозрачной внутренней формой подтверждают, что самыми многочисленными в данной группе оказываются наименования лиц, занимающихся каким-нибудь конкретным действием, определение и название которого, с точки зрения малолетнего участника коммуникации, желательно в данной конституации, ср.: *анекдоторассказчик* – ‘мастер, любитель рассказывать анекдоты’ (– Сережа такой *анекдоторассказчик*!); *дверемой*, *стекломой*, *зеркаломой* – ‘моющий двери (стекло, зеркало)’ (– Мама, мы твои помощницы. Я *дверемой*, Вероника – *стекломой*; – Я не *стекломой*, а *зеркаломой*!); *деньгопроситель* – ‘о девочке-попрошайке’ (– Тоже мне, *деньгопроситель*!).

Ко второй группе инноваций причисляются образные наименования действий, производящихся исполнителями, названия которых детям известны, или ассоциирующихся в сознании детей с характерными названиями абстрактных или конкретных предметов, например, объектов или орудий, ср.: *анекдотить* – ‘рассказывать что-либо смешное’ (Зовет маму к телевизору: Мама, быстрее! Сейчас кто-то, как Петросян, *анекдотить* будет!); *утюговать* – ‘утюжить бельё, гладить’ (– Я тоже, как мама, буду *утюговать*); *пылесосить*² – ‘пользоваться пылесосом’ (– А ты дома маме помогаешь? – Помогаю ей *пылесосить*); *гитарить* – ‘играть на гитаре’ (– Папа, дай я *погитарю*!);

¹ В данном случае при образовании слова используется название действия, осознается при этом совершенный вид мотивирующего глагола. Интуитивное восприятие функций и значений приставок находит отражение также в некоторых дальнейших примерах инноваций.

² Следует отметить, что некоторые из рассматриваемых в данной статье образований (например, *пылесосить*, *вредничать*) употребляются в разговорной речи. Они подвергаются анализу, так как квалифицируются автором *Словаря современного детского языка* как детские языковые инновации.

прикноплять – ‘закреплять с помощью канцелярских кнопок’ (О стенгазете: А чем ее *прикнопляют?*).

В силу использования незуальных основ детские инновации различных типов, с одной стороны, приближают абстрактные языковые единицы к действительности. С другой стороны, образность приведенных единиц сопровождается многочисленными коннотациями. Ведь, например, слово ёлочить обозначает не просто ‘любоваться новогодней ёлкой’, а ‘любоваться атмосферой новогодних праздников’, что ассоциируется с положительной оценкой всех сопутствующих действий.

Иногда с помощью единиц рассматриваемого типа описывается состояние: *вредничать* – ‘быть вредным, не слушаться’ (Девочка будит папу, читая ему мораль: Папа, ты зачем маму на свадьбе выбирал, чтобы *вредничать?*), или абстрактное явление: *аппетитничать* – (Девочка, с аппетитом ужинающая, отвлекают: Не мешайте мне *аппетитничать!*).

В третьей, выделенной нами группе инноваций преобладают сложные образования, возникающие чаще всего путем словосложения или сложения с суффиксацией. В результате появляются, например, названия лиц, характеризующихся определенными чертами, ср. *хорошописец* – (шутл.) ‘талантливый поэт, писатель’ (– Батюшков хорошо писал, у него Пушкин учился. – Батюшков (смеется) – это *хорошописец?*).

Действие, к которому путем ассоциации отсылает наименование, может иметь окказиональный характер по отношению к названному в первой части объекту. Как следует из приведенных выше, а также последующих примеров, данное замечание относится как к названиям лиц: *снежинкособиратель* – ‘собирает снежинок’ (Ловит руками снежинки: Я *снежинкособиратель!*); *паукоглот* /антропоморфизация животного/ – (– Поня, не ешь паука, а то кошки знакомые скажут, что это не котя, а паукоглот какой-то), так и предметов: *ракетосбивальщик* /орудие/ – (Играет: Это у меня *ракетосбивальщик!*); *фишковыбивалка* – ‘придуманный прибор для игры в фишки’ (– Зажигательную лампочку (делает) или *фишковыбивалку*. Поставишь ее, включишь – фррр!!! И она сразу поднимает фишку и сразу выбилась!).

В результате соединения мотивирующих основ могут возникать прилагательные, выполняющие традиционную функцию характеристики предмета или лица, но, следует отметить, что это узкоспециальная характеристика, ср. *водополивающий* – (– Я буду делать *водополивающее* приспособление); *водотушительный* – ‘о пожарной машине’ (Играет: Пожар! *Водотушительная* машина, приезжайте!); *вкусноугощательный* – (Мам, Даша сказала, что ты такая *вкусноугощательная!*); *занавесостирательный* – ‘стирающий занавески’, *занавесогладкин* – ‘гладящий занавески’, *пылевытиралкин* – ‘вытирающий пыль’, *поломойкина* – ‘моющий полы’ (Какая же ты у меня работячая, *занавесостирательная, занавесогладкина, пылевытиралкина, поломойкина!*); *зубопилительный* – (О сухаре: Он такой *зубопилительный!*);

зубополомательный – ‘такой крепкий, что можно поломать зубы’ (– Эта карамель *зубополомательная*); *природонелюбивый* – (Собирает в пакет мусор в лесу: Только плохие в лесу за собой не убирают, злые, *природонелюбивые*); *рукоспратательный* – ‘предназначенный для того, чтобы прятать руки’ (– Карман – это *рукоспратательное* устройство); *хлеборезательный* – ‘предназначенный для резки хлеба’ (– Этот нож так режет хлеб, что даже крошки не рассыпаются. Он у нас будет *хлеборезательным*).

Среди перечисленных единиц самую многочисленную группу составляют прилагательные, в которых первая часть называет объект действия, представленного во второй (отглагольной) части, и которые в нормативном языке имеют терминологический характер, но по их образцу создаются также сатирические и шуточные индивидуальные производные (Земская 2007: 46) и, как следует из иллюстративного материала, детские инновации (напр., *занавесостирательный*, *хлеборезательный*). Появился также единичный пример сложения пояснительного типа (Земская 2007: 46), в котором вторая часть – отглагольная, первая (наречная) – обстоятельственная, т.е. *вкусноугощательный*.

Редко встречаются глагольные сложения: *мусоропылесосить* – ‘пылесосить /сбирать мусор пылесосом/’, *яблокомясорубить* – ‘пропускать яблоки через мясорубку’ (А я тоже *яблокомясорубил*, *мусоропылесосил*, спончкочебилкин (Поночка – кошка).

Особый тип сложных инноваций составляют единицы, опирающиеся на звуковое подобие (квазиподобие) мотивирующих основ. Неполное понимание семантики, часто сопутствующее данному процессу, приводит к смешиванию разных ценностей и образцов, в результате чего возникают довольно сложные по механизму образования, в том числе образные единицы, семантику которых иногда возможно раскрыть только в условиях конкретного контекста, ср. *пепсихолог* – ‘психолог’ (– К нам сегодня приходил *пепсихолог*. – А что он делал? – Он задавал вопросы, а мы отвечали). Следует обратить внимание на факт, что в приведенном примере внутренняя форма является прозрачной, словообразовательный тип – также, но ассоциация и, следовательно, инновация, настолько оригинальны, что практически невозможно понять значение слова вне контекста.

В качестве примера можно привести также слово *бульбулька* – ‘река’ (Видит речку из окна электрички: Это наша *бульбулька!*), внутренняя форма которого через звукоподражательное сочетание однозначно отсылает к понятию *вода*, но доопределение значения единицы невозможно без учета контекста.

Внутренняя форма слова понимается не только как семантическая и структурная соотнесенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка, но также как признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова (ЛЭС 2002: 85).

Стоит отметить, что название признака не всегда находит непосредственное отражение в облике слова. Внутренняя форма может только отсылать к базовому понятию, опираясь, например, на предварительные знания, коннотации. Механизм порождения новых слов является очень сложным, а двигателем данного процесса считается аналогия, без которой «не рождается ни одно узуальное слово, но и ни одно окказиональное слово» (Земская 2007: 182).

В процессе создания детьми языковых инноваций аналогия проявляется по-разному. При образовании всех рассматриваемых единиц активны абстрактные словообразовательные аналогические правила. Слова возникают по имеющимся в языке образцам. Однако на такой образец накладывается аналогия, связанная с восприятием физических или абстрактных свойств называемого и опирающаяся на другое известное наименование. К примеру, в слове *теплостранец* – ‘о птице, улетающей на зиму в теплые страны’ (– А скворец – теплостранец или нет?), аналогия связана со словообразовательным образцом (сложение с суффиксацией), со ссылкой на конкретную единицу – *иностранец* – и ее семантику ‘лицо, не являющееся гражданином (или подданным) того государства, на территории которого оно находится’, вследствие чего происходит замена первой части по аналогии с другим словосочетанием: иная страна – теплая страна.

Ассоциация, связанная с функцией известного предмета, и одновременно сходство с органом зрения ощутимы в другом слове: *глазотелескопы* – ‘окуляры бинокля’ (– У него (бинокля) такие сильные *глазотелескопы*).

Еще более усложненным примером (потому что аналогия касается нескольких физических признаков трех предметов) является образная единица *черепахорыборак* – ‘о крабе’ (Впервые увидела краба: Это... *черепахорыборак*?). На основании перцептивно-когнитивных процессов ребенок сравнивает черты известных ему раньше животных с новым представителем данной категории и при создании нового слова использует названия животных (а не наименования черт внешнего вида). В научной литературе такого типа дериваты причисляются к ассоциативным (ономасиологическим) (ср. Grzegorzczukowa, Puzynina 1979: 21), поскольку в их значении ощущается связь с признаками, которые являются перцептивно доминирующими в момент называния. Следует отметить, что ономасиологические дериваты характерны для номенклатуры животных³ не только в русском языке, но также в других языках, в том числе и в польском.

В контексте подразделения Е. А. Земской неузуальных слов на потенциальные и окказиональные значительную часть детских инноваций можно определить, как потенциальные окказионализмы в силу использования в процессе их образования типичных словообразовательных моделей с использованием нетрадиционных мотивирующих основ (Земская 2007: 180).

³ Ср.: Jóźwiak 2007.

В некоторых случаях можно рассматривать детские инновации как особый вид корректировки узуальной номинации. Бывает, что детей, равно как иногда и взрослых говорящих, «не удовлетворяет неточность слова», связанная с затемнением внутренней формы и мешающая выразить мысль. В таких случаях часто возникает слово, «не принятое узусом, но более точно передающее его /речевое/ намерение» (Земская 2007: 176).

А. А. Потебня писал, что «повторенное ребенком слово до тех пор не имеет для него смысла, пока он сам не соединит с ним известных образов, не объяснит его восприятиями, составляющими его личную, исключительную собственность» (Потебня 1990: 52).

Ребенок – это «особый тип языковой личности». Следовательно, «Образ мира, запечатленный в языке детей, во многом отличается от картины мира взрослых носителей языкового сознания, что объясняется свойствами мышления детей, своеобразием их мироощущения и мировосприятия» (Тухарели 2001: 5).

Представленные выше детские инновации подтверждают осознанный и правильный (в логичном отношении) выбор признака, лежащего в основе мотивации. Они свидетельствуют также о лингвистической креативности детей, максимально использующих свой когнитивный и языковой опыт на данном этапе развития для удовлетворения коммуникативных потребностей.

Библиография

- Земская Е. А. (2007), *Словообразование как деятельность*, Москва.
- Мигирина Н. И. (1977), *Внутренняя форма как важнейший узел системных связей в языке*, Кишинев.
- Потебня А. А. (1976), *Эстетика и поэтика*, Москва.
- Потебня А. А. (1990), *Теоретическая поэтика*, Москва.
- Тухарели Н. Л. (2001), *Детская языковая картина мира как предмет лингвистического изучения*, [в:] ред. В. В. Красных, А. И. Изотов, *Язык. Сознание. Коммуникация*, вып. 17, Москва, с. 5–10.
- Цейтлин С. Н. (2001), *Детские речевые инновации: опыт анализа*, [в:] *Исследования по языкознанию: К 70-летию члена-корреспондента РАН А. В. Бондарко*, Санкт-Петербург, с. 329–336, <http://www.philology.ru/linguistics1/tseytlin-01.htm>
- Ярцева В. Н. (ред.) (2002), *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва.
- Grzegorzczukowa R., Puzynina J. (1972), *Słowotwórstwo współczesnego języka polskiego*, Warszawa.
- Grzegorzczukowa R. (1999), *Pojęcie językowego obrazu świata*, [w:] J. Bartmiński (red.), *Językowy obraz świata*, Lublin.
- Józwiak J. (2007), *Названия животных в русском и польском языках*, Poznań.
- Ostaszewska B., Sławkowa E. (1999), *Procesy nazwotwórcze a językowy obraz świata (na materiale średniowiecznej terminologii botanicznej w słowniku Jana Stanki)*, [w:] A. Pajdzińska, P. Krzyżanowski, *Przeszłość w językowym obrazie świata*, Lublin.
- Rozwadowski J. M. (1960), *Wybór pism*, tom III: *Językoznawstwo ogólne*, Warszawa.

Jolanta Józwiak

INTERNAL FORM OF INNOVATIONS IN A CHILDREN'S LANGUAGE

(Summary)

The aim of the paper is to present a few interesting trends of a word formation in a children's language. Various groups of words have been discussed. Special attention has been paid to a figurative type which represents children's creativity as well as relations between names and reality: features of the person, thing or reality.

The choice, which is made by a child of a transparent internal form instead of a traditional form used for new words formation (creation), reflects specific children's perception of the word.

Keywords: children's language, internal form, language innovations, children's creativity.